

СЕРИЯ КНИГ ПО ВСЛЕННОЙ ФОНДА S.C.P.

АЛЕКС КРААС

КНИГА 4

**SCP-682:
НЕУязвимая
РЕПТИЛИЯ**

SCP Foundation

Secure, Contain, Protect

Aleks Kraas

SCP-682: Неуязвимая рептилия

<https://litres.ru/74671652>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она убивала фермеров. Её пытались уничтожить двести сорок три раза. Кислота, дробление, изменённые законы физики — всё бесполезно. Фонд считал, что содержит монстра. Монстр считал, что содержит Фонд. Оба ошибались.

Это история SCP-682 — но не та, которую вы знаете по отчётам. Это история Атанти-кл-Панеу, четвёртой дочери А'зеб, рождённой в садах Алого Короля, где смерть была необязательной. Девочки, которая завидовала людям. Которая не хотела разрушать. Которая тысячи лет искала дверь — и не находила.

Пока однажды Фонд не открыл её сам.

Aleks Kraas

SCP-682: Неуязвимая рептилия

Часть I. «Левиафан»

Глава 1. «Четвёртая невеста»

Сады Алого Короля не имели ни верха, ни низа. Деревья там росли корнями в небо, а кронами уходили в тёмную, тёплую почву, в которой не было ни семян, ни гниения. Ветви их были белыми, как кость, и на них не распускались листья — только медленные, тягучие капли света, которые стекали вниз, к корням, и там застывали, превращаясь в маленькие солнца. В этих садах не было времени. Было только ожидание.

Атанти-кл-Панеу родилась в четвёртый раз. Не «в четвёртый раз» в смысле последовательности — в садах Алого Короля последовательности не существовало, — а в четвёртый раз как **четвёртая**. Четвёртая дочь четвёртой невесты. Четвёртая попытка. Четвёртое разочарование.

А'зеб, её мать, не кричала при родах. Не потому что была храбра, а потому что боль в этих садах была такой же необязательной, как и всё остальное. А'зеб лежала на ложе из переплетённых корней, и её тело, огромное и тёмное, как вывернутая наизнанку ночь, раскрывалось без усилия. Из него,

один за другим, выходили дети. Они не были похожи на людей. Они не были похожи даже на чудовищ, какими их позже нарисуют. Они были **левиафанами** — длинными, скользкими, с глазами, которые открывались уже зрячими, и с кожей, которая не знала, что такое шрам.

Атанти была последней в помёте. Она выскользнула наружу, и первое, что она увидела, было лицо матери — точнее, то, что у А'zeb было вместо лица: печать гнева, выжженная на лбу, и глаза, в которых не было ни любви, ни ненависти. Только **оценка**.

— Ещё одна, — сказала А'zeb. Голос её был низким, как звук, с которым расходятся тектонические плиты. — Четвёртая. Как и я.

Она не сказала «четвёртая из семи». Она сказала «четвёртая» так, как говорят «четвёртая попытка». Атанти не поняла этого тогда. Она поймёт это позже — через тысячи лет, в бетонной клетке, когда человек в белом халате спросит её, помнит ли она мать. И она ответит: «Я помню её запах. Она пахла разочарованием».

А'zeb не была жестокой матерью. Жестокость требует усилия, а А'zeb не тратила усилий ни на что, кроме гнева. Она просто **не мешала**. Дети росли в садах, как растут грибы после дождя: без присмотра, без имён, без нежности. Их было много — левиафанов, выползков, шепчущих тварей, ко-

торых Алый Король называл «семенем», а А'зеб называла «детьми» только тогда, когда нужно было напомнить Королю, что она исполнила свой долг.

Атанти была не самой сильной из помёта. Не самой быстрой. Не самой умной. Она была **самой живучей**. Когда другие дети А'зеб играли в игры, которые заканчивались тем, что кто-то терял конечность, Атанти смотрела. Она смотрела, как отрубленная рука отрастает заново. Как пробитое насквозь тело закрывает дыру, как вода закрывает след на песке. Она смотрела и думала: «**А что, если не заживёт?**»

Это был первый вопрос, который она задала миру. Мир не ответил. Мир вообще редко отвечал Атанти.

Однажды — если в садах, где нет времени, можно сказать «однажды» — А'зеб собрала детей вокруг себя. Она не делала так часто. Обычно она лежала в своих корнях и смотрела в никуда, и печать гнева на её лбу тускнела, как остывающий металл. Но в тот день она встала. И дети почувствовали, что сейчас будет что-то важное.

— Вы не умрёте, — сказала А'зеб. Она не говорила громко. Ей не нужно было. — Вы не умрёте, потому что я не позволила смерти коснуться вас. Но это не значит, что вас нельзя **сломать**.

Она обвела их взглядом. Медленным. Тяжёлым.

— Ваш отец хочет, чтобы вы разрушили Древо. Он хочет, чтобы вы сожрали его корни и выпили его сок. Он хочет, чтобы вы стали **инструментами**. Я не запрещаю вам. Я просто

говору: инструменты ломаются. И когда вы сломаетесь, он не придёт чинить вас. Он придёт **заменять** вас.

Атанти стояла в задних рядах, и её длинное тело дрожало от чего-то, чему она ещё не знала названия. Это был не страх. Страх — это когда боишься боли. Это было **предчувствие**. Она посмотрела на своих братьев и сестёр — на их непроницаемые шкуры, на их глаза, в которых не было ни капли сомнения, — и поняла: они не слышат. Они слышат только «разрушьте Древо». Всё остальное для них — шум.

Она была единственной, кто услышал вторую половину.

Древо Познания не было деревом в человеческом смысле. У него не было ствола, по которому можно было бы стучать, и ветвей, на которых можно было бы сидеть. Оно было **структурой** — сетью корней, которая пронизывала все миры, все измерения, все возможные и невозможные пространства. Корни его были толще галактик и тоньше мыслей. Они держали реальность в равновесии — не потому что были сильными, а потому что были **везде**.

Алому Королю Древо мешало. Оно было напоминанием о том, что есть что-то старше его. Что-то, что не он посадил. Что-то, что не ему принадлежало. И он решил его убить.

Он не пошёл сам. Короли не ходят сами. Он послал своих детей — левиафанов, рождённых А'зеб, — с приказом: **загноить корни**. Не перерезать, не сжечь. Загноить. Что-

бы Дерево умерло медленно, изнутри, чтобы оно чувствовало, как гниёт.

Атанти была среди тех, кого послали. Она не хотела идти. Но она не умела говорить «нет» — не потому что боялась отца, а потому что не знала, что это слово существует. Её научили только «да». «Да, я разрушу». «Да, я съем». «Да, я буду хорошей дочерью».

Корни Древа были тёплыми. Это было первое, что Атанти почувствовала, когда коснулась их. Не холодными, не гладкими, не чужими. **Тёплыми**, как тело. Как животное, которое ещё живо. Она посмотрела на братьев и сестёр — они уже вгрызались в корни, и там, где их зубы касались коры, кора чернела и отслаивалась, и из-под неё текла не кровь, а что-то похожее на свет. Густой, медленный свет. Свет, который не хотел умирать.

Атанти открыла рот. Она собиралась укусить. Она **должна была** укусить. Но вместо этого она сказала — тихо, почти беззвучно:

— Он тёплый.

Никто не услышал. Или услышал, но не понял. Братья и сёстры продолжали грызть. Корни гнили. Свет вытекал. Где-то — в других мирах, в других измерениях, в других историях — начали рушиться вещи. Не сразу. Медленно. Как трещина в стекле, которая начинается с одного края и идёт к другому, пока стекло не рассыплется.

Атанти не укусила. Она стояла и смотрела. И в тот мо-

мент, когда первый корень умер — по-настоящему умер, перестал быть тёплым и стал просто мёртвой материей, — она почувствовала **тошноту**. Не физическую. Тошноту **существования**. Впервые за свою короткую жизнь она поняла, что есть вещи, которые не заживают. Корни не заживали. Свет не возвращался. Дерево не отрастало заново.

Она посмотрела на свои лапы. Они были чистыми. Она ничего не сделала. Но она **была здесь**. Она стояла рядом. И этого было достаточно.

Потоп начался не с дождя. Дождь был бы слишком человеческим. Потоп начался с **тишины**. Сначала замолчали корни Древа — те, что ещё оставались живыми. Потом замолчали сады. Потом замолчал Алый Король — впервые за всё время своего существования он не сказал ни слова, и это было страшнее любого крика.

А'зеб не пыталась спасти своих детей. Она знала, что не сможет. Она стояла у края сада — там, где земля обрывалась в ничто, — и смотрела, как их уносит. Левиафанов, выползков, шепчущих тварей. Всех, кого она родила. Всех, кого она не любила, но всё же **родила**. Её печать гнева горела ярче, чем когда-либо, но в глазах не было гнева. Только усталость.

Атанти уносило вместе с остальными. Она не сопротивлялась. Она смотрела на мать — на её огромное тёмное тело, на её неподвижное лицо — и ждала. Ждала, что А'зеб что-

нибудь скажет. Что-нибудь важное. Что-нибудь, что можно взять с собой в изгнание.

А'зеб сказала:

— Ты выживешь.

И отвернулась.

Это было не благословение. Это было **наблюдение**. Как будто А'зеб уже знала, что четвёртая дочь переживёт всех остальных, и это её не радовало, а утомляло. Ещё одна выжившая. Ещё одна проблема.

Атанти хотела закричать. Хотела сказать: «Я не хочу выживать. Я хочу **умереть**. Как они. Как корни. Как всё остальное». Но горло её было пустым. Слова не шли. Только тело — длинное, скользкое, неуязвимое — падало сквозь пустоту, и пустота не могла его разорвать, потому что оно было **сделано** так, чтобы не рваться.

Она упала на Землю. Это было не мягкое падение. Это было падение камня в воду — только вода была из камня, а камень был из времени. Она лежала в кратере, который сама пробила, и смотрела в небо, которого никогда раньше не видела. Небо было голубым. Это было неправильно. В садах небо было белым, как кость, и в нём не было ни облаков, ни звёзд. Здесь были облака. Здесь были звёзды. Здесь был **ветер**, который трогал её кожу и не мог её поранить.

Она лежала долго. Может быть, дни. Может быть, годы.

Время на Земле текло иначе — не тягуче, как в садах, а **остро**, как лезвие. Каждая секунда резала.

Потом она встала. Не потому что хотела жить, а потому что тело не умело лежать. Оно умело только двигаться. Вперёд. Дальше. В поисках чего-то, чего она не могла назвать.

Она попробовала умереть. Первый раз — в океане. Она вошла в воду и позволила ей сомкнуться над головой. Вода была холодной, солёной, тяжёлой. Она давила на рёбра, на горло, на глаза. Атанти ждала. Ждала, что что-то лопнет. Что что-то **сдастся**. Но ничего не лопнуло. Тело дышало водой, как воздухом. Тело **адаптировалось**. Оно всегда адаптировалось. Это было его единственное умение.

Она вышла на берег и села на камни. Вода стекала с её шкуры, и в каждой капле отражалось небо. Она смотрела на свои лапы — те же самые лапы, что стояли у корней Древа, — и впервые почувствовала не тошноту, а **ярость**. Не на отца. Не на мать. На **себя**.

«Ты не можешь умереть, — сказала она себе. — Ты не можешь даже **захотеть** умереть по-настоящему. Потому что ты не знаешь, что это такое. Ты знаешь только, что это происходит с **другими**».

Она подняла голову и посмотрела на берег. Вдалеке — там, где океан встречался с сушей, — стояли существа. Маленькие. Двуногие. С копьями и сетями. Они смотрели на неё и **боялись**. Атанти видела страх в их глазах — резкий, острый, живой. Это был первый раз, когда кто-то смотрел

на неё и **видел**. Не «ещё одну дочь». Не «инструмент». Не «выжившую». А **чудовище**.

И в этом взгляде было что-то, чего она не ожидала. Не ненависть. Не отвращение. **Признание**. Её заметили. Её **выделили**. Она была не просто одной из многих. Она была **той, кого боятся**.

Атанти встала. Медленно. Так, чтобы они видели. Так, чтобы они запомнили. И когда первый человек бросил в неё копье — тонкое, деревянное, смешное, — она поймала его в воздухе и **улыбнулась**.

Это была её первая улыбка. И она была страшнее любого рычания.

Она не знала, что будет дальше. Не знала, что будут фермеры, и Фонд, и бетонная клетка, и человек по имени Элиас Вейр, который однажды спросит её, как её зовут. Она не знала, что ей придётся ждать тысячи лет, чтобы кто-то задал этот вопрос.

Она знала только одно: она **выживет**. Не потому что хотела. А потому что не умела иначе.

И где-то — очень далеко, в мире, который ещё не был построен, — человек в белом халате напишет в отчёте: «Объект SCP-682. Класс: Keter. Происхождение: неизвестно».

«Неизвестно» — это было самое честное слово, которое Фонд когда-либо напишет о ней. Потому что правда была

слишком большой. Правда была в том, что она родилась в саду, где не было смерти, и умерла в тот день, когда увидела, как умирает корень. Правда была в том, что она завидовала людям. Завидовала их хрупкости. Их способности **заканчиваться**.

Но об этом Фонд узнает позже. Через много-много лет. В другой главе. В другой жизни.

А пока — она стояла на берегу, с копьём в лапе, и смотрела, как люди бегут. И впервые за всё время своего существования чувствовала что-то похожее на **цель**.

Она не знала, что это не цель. Это была **клетка**. Но клетки бывают разными. Иногда это бетон. Иногда это ненависть. Иногда это имя, которое тебе дали, потому что не удосужились спросить настоящее.

Её настоящее имя было **Атанти-кл-Панеу**. Но никто не спросит. Никто не спросит ещё очень долго.

Часть I. «Левиафан»

Глава 2. «Корни Древа»

Война началась не с приказа. Приказ был только формальностью. Война началась с того, что Алый Король **посмотрел** на Древо — и в этом взгляде не было ни ярости, ни зависти, ни даже ненависти. Было только **недоумение**. Как будто он увидел на своём столе чужую вещь и не мог понять, откуда она взялась.

Атанти была там, когда это случилось. Она стояла в тени одного из белых деревьев, и её длинное тело было по-

что неразличимо на фоне корней, которые свисали с неба, как щупальца мёртвого моллюска. Она не должна была быть здесь. Дети А'zeb не допускались в зал, где Король смотрел на вещи. Но она была любопытной. Это было её второе умение после живучести — и куда более опасное.

Король стоял неподвижно. Его мантия — если это была мантия, а не сгусток тьмы, который притворялся тканью, — стекала на пол и растекалась по нему, как нефть по воде. Он не был огромным. В садах Алого Короля размер не имел значения. Он был **плотным**. Как будто в его теле было больше реальности, чем в окружающем мире.

Перед ним, в воздухе, висело изображение Древа. Не проекция. Не воспоминание. **Отражение**. Древо показывало себя само, потому что не могло не показывать — оно было слишком большим, чтобы прятаться, и слишком старым, чтобы бояться.

Король смотрел на него долго. Потом сказал — не громко, но так, что слова оседали на стенах, как сажа:

— Оно не моё.

Никто не ответил. Никто не смел.

— Оно никогда не было моим, — продолжил Король. — Оно было здесь до меня. Оно будет здесь после. Оно **держит** всё это. — Он обвёл рукой сады, белые деревья, корни, тишину. — Держит без моего разрешения. Держит **вместо** меня.

Он повернулся. Его лицо было лицом человека, который

слишком долго смотрел в зеркало и увидел там не себя, а **кто-то другой**.

— Я не потерплю этого.

Приказ пришёл через три дня — если в садах, где нет времени, можно считать дни. А'zeb собрала всех своих детей — не только левиафанов, но и выползков, и шепчущих тварей, и тех, у кого не было названия, потому что они родились слишком неправильными даже для садов. Их было много. Больше, чем Атанти когда-либо видела вместе. Они стояли в ряд, и их тела — длинные, короткие, гладкие, чешуйчатые, крылатые — блестели в свете белых деревьев, как мокрая галька.

А'zeb стояла перед ними. Её печать гнева горела ровно, как лампа. Она не выглядела ни гордой, ни опечаленной. Она выглядела так, как выглядит инструмент, который собираются использовать.

— Король хочет, чтобы вы пошли к корням, — сказала она. — Он хочет, чтобы вы их **загноили**. Не перерезали. Не сожгли. Загноили. Чтобы Древо умерло медленно. Чтобы оно чувствовало.

Она сделала паузу. В этой паузе было что-то, чего Атанти не поняла тогда, но вспомнит потом, через тысячи лет, в бетонной клетке: **сомнение**. Мать сомневалась. Но не сказала об этом.

— Вы пойдёте все, — продолжила А'зеб. — Кроме тех, кто слишком мал. И кроме тех, кто слишком слаб. Остальные — пойдут.

Атанти стояла в задних рядах и считала. Она считала братьев и сестёр, которые пойдут. Она считала тех, кто останется. Она считала **себя** — и не могла понять, к какой категории относится. Она не была слишком мала. Она не была слишком слаба. Но она **не хотела**.

Это было новое чувство. Раньше она не хотела только одного — умирать. Теперь она не хотела **убивать**. И это было странно, потому что убивать она умела. Её учили. Её **создали** для этого.

— Мать, — сказала она. Голос её был тихим, но в тишине сада он прозвучал как удар.

А'зеб повернулась. Её глаза — два тёмных провала, в которых не было ни зрачков, ни радужки, — остановились на Атанти.

— Что.

— Почему мы должны его гноить?

Тишина стала плотной. Братья и сёстры смотрели на Атанти так, как смотрят на того, кто задаёт вопросы, на которые не положено отвечать. Но А'зеб не рассердилась. Она **задумалась**. Это было хуже.

— Потому что так хочет Король, — сказала она наконец.

— А если Король ошибается?

А'зеб молчала долго. Слишком долго. Атанти уже начала

думать, что она не ответит, — но мать ответила. Тихо. Почти шёпотом. Так, чтобы слышала только Атанти.

— Тогда мы всё равно пойдём. Потому что если мы не пойдём, он найдёт других. И они сделают это **хуже**.

Она отвернулась. Собрание закончилось.

Путь к корням Древа лежал через **ничто**. Не через пустоту — пустота была бы слишком простой, — а через ничто. Через место, где не было ни света, ни тьмы, ни верха, ни низа, ни времени, ни пространства. Только **направление**. Одно-единственное. Туда.

Левиафаны шли цепочкой. Их тела светились в ничто — слабым, зеленоватым светом, который не освещал ничего, но позволял видеть друг друга. Атанти шла четвёртой. Перед ней были двое братьев и сестра, за ней — ещё сёстры и братья, и так далее, пока цепочка не растворялась в ничто, как хвост кометы.

Никто не разговаривал. В ничто слова не имели смысла — они просто не долетали. Но Атанти чувствовала, что братья и сёстры **думают**. Она чувствовала их мысли, как чувствовала тепло корней: они думали о славе. О том, как Король похвалит их. О том, как они станут его любимцами — не «ещё одними детьми А'зеб», а **первыми**. Теми, кто сделал то, что не смогли сделать другие.

Атанти думала о другом. Она думала о том, что корни бы-

ли тёплыми. Она думала о том, что свет, который вытекал из них, не хотел умирать. Она думала о том, что **она не хочет быть любимицей**. Она хочет быть **никем**. Потому что никто не заставляет «никого» делать ужасные вещи.

Никто её не слышал. Никто не хотел слышать.

Корни Древа появились внезапно. Только что вокруг было ничто — и вот уже оно **заполнено**. Корни были везде: они свисали сверху, тянулись снизу, обвивали друг друга, как змеи в клубке. Они были толстыми — толще, чем тела левиафанов, — и тонкими, как волосы, и всех размеров между. Они были **тёплыми**. Они были **живыми**.

Атанти остановилась. Она не могла не остановиться. Корни пахли — не запахом, а **чем-то другим**. Чем-то, для чего у неё не было слова. Они пахли **памятью**. Как будто каждый корень помнил всё, что когда-либо происходило в мире, который он держал, и это воспоминание было таким тяжёлым, что вытекало наружу, в воздух, и оседало на коже.

— Начинаем, — сказал старший брат. Его звали Ксал-Тор. Он был самым большим из помёта и самым нетерпеливым. — Я беру этот. — Он ткнул когтем в ближайший корень, толстый и белый, как кость. — Остальные — рядом.

Левиафаны двинулись вперёд. Они окружали корни, как волки окружают стадо. Они выбирали — каждый свой — и **вгрызались**. Зубы левиафанов были созданы для того, что-

бы рвать плоть, но корни Древа были не плотью. Они были **плотнее**. Зубы скрежетали, крошились, отрастали заново. Левиафаны кусали снова. И снова. И снова.

Первая трещина появилась на корне Ксал-Тора. Она была тонкой, как паутинка, и прошла от места укуса вниз, в глубину. Из трещины вытек свет — густой, медленный, золотой. Ксал-Тор зарычал от восторга и укусил сильнее. Трещина расширилась. Свет потек быстрее.

Атанти стояла в стороне. Она не выбрала корень. Она не вгрызалась. Она смотрела.

— Чего ждёшь? — спросила её сестра — Мира-Кел, тонкая и быстрая, с глазами, которые никогда не моргали. — Король ждёт.

— Я выбираю, — сказала Атанти.

Это была ложь. Она не выбирала. Она **не могла** выбрать. Каждый корень, на который она смотрела, был тёплым. Каждый корень был живым. Каждый корень **держал** что-то — она не знала что, но чувствовала, как это «что-то» дрожит в глубине, как птенец в яйце.

Она подошла к самому тонкому корню — почти волоску, почти нити, — и коснулась его лапой. Корень вздрогнул. Не от боли. От **удивления**. Как будто его никогда раньше не трогали. Как будто он не знал, что его можно **трогать**.

Атанти открыла рот. Она собиралась укусить. Она **должна была** укусить. Но вместо этого она прижалась к корню щекой — если у левиафана есть щека, — и закрыла глаза.

Корень был тёплым. Как мать. Как мать, которая никогда не обнимала.

Она не знала, сколько времени прошла. В ничто времени не было, а в корнях — тем более. Но когда она открыла глаза, братья и сёстры уже **грызли**. Корни чернели. Свет вытекал. Где-то — в других мирах, в других измерениях, в других историях — начали рушиться вещи.

Атанти смотрела. Она не могла не смотреть. Она видела, как Ксал-Тор отгрыз кусок корня и проглотил его, и кусок **не отрастал**. Видела, как Мира-Кел вцепилась в тонкий корень и **перекусила** его, и корень обмяк, как верёвка, и повис, и больше не был тёплым.

И тогда она увидела **его**.

Он был маленьким. Меньше её лапы. Меньше её когтя. Он жил **в** корне — не внутри, а **на** нём, как живут на дереве птицы. Он был похож на каплю — на каплю света, которая застыла и обрела форму. У него были глаза. Два. Маленькие. Чёрные. И они смотрели на Атанти.

Она не знала, что это. Она никогда не видела ничего подобного. В садах Алого Короля не было маленьких существ. Там были только большие — левиафаны, выползки, шепчущие твари. Всё было **огромным**. Всё было **важным**.

А это было **маленьким**. Это было **неважным**. Это было **ничем**.

Но оно смотрело на неё.

Атанти протянула лапу. Она хотела коснуться — не убить, а **коснуться**. Она хотела узнать, что это. Она хотела понять, почему оно такое маленькое и такое **живое**.

Лапа коснулась капли. Капля **лопнула**.

Не от удара. Не от давления. Просто лопнула — как мыльный пузырь, как плод, который слишком долго висел на ветке. Свет внутри неё погас. Глаза закрылись. Маленькое существо перестало быть.

Атанти смотрела на свою лапу. На ней была **слизь**. Не кровь, не гной, не что-то знакомое. Просто слизь — остаток того, что было живым. Тёплая. Мокрая. **Мёртвая**.

И тогда её стошнило.

Не физически — левиафаны не умеют блевать, их тела слишком совершенны для этого. Её стошнило **изнутри**. Тем, что она не знала, как назвать. Тем, что поднялось откуда-то из глубины — из того места, где не было ни мыслей, ни слов, ни памяти, — и ударило в голову, как волна.

Она упала на колени. Её длинное тело сжалось, как пружина. Она хотела закричать, но не могла — в ничто звук не шёл. Она хотела заплакать, но не умела — левиафаны не плачут, их глаза слишком сухие для этого. Она хотела **умереть** — но не могла, потому что была создана для того, чтобы не умирать.

Она просто лежала. И смотрела на свою лапу. И слизь на ней **высыхала**. Медленно. Как сохнет всё, что было живым.

— Что с тобой?

Мира-Кел стояла над ней. Её глаза — те, что никогда не моргали, — смотрели на Атанти с чем-то похожим на **презрение**.

— Ты не грызла, — сказала Мира-Кел. — Ты стояла. Король узнает.

Атанти подняла голову. Её тело дрожало. Её лапа была липкой от высохшей слизи.

— Оно было маленьким, — сказала она.

— Что?

— Оно было маленьким. Оно жило на корне. Я коснулась его — и оно лопнуло.

Мира-Кел посмотрела на неё долго. Потом рассмеялась. Смех левиафана — это не звук. Это **вибрация**, которая проходит по телу и отдаётся в костях.

— Ты плачешь из-за **капли**? — спросила она. — Из-за **ничего**? В садах миллионы таких. Они живут на всём. На корнях, на камнях, на нас. Мы их даже не замечаем. Они **не важны**.

Атанти посмотрела на свою лапу. Слизь высохла. Осталась только тонкая плёнка — почти невидимая.

— Оно смотрело на меня, — сказала она.

— И что?

— Оно **смотрело**. Оно знало, что я есть.

Мира-Кел перестала смеяться. Её глаза сузились.

— Ты **больна**, — сказала она. — Ты не должна так думать. Ты — дочь А'зеб. Ты — левиафан. Ты создана для того, чтобы **разрушать**. Не для того, чтобы жалеть капли.

Она отвернулась и пошла обратно к корням — грызть, рвать, гноить. Атанти осталась лежать. Она смотрела, как сестра вгрызается в новый корень, и думала: «**Я не хочу разрушать. Я хочу, чтобы капля была живой**».

Это была её первая настоящая мысль. Всё, что было раньше, — голод, страх, любопытство — было **телом**. Это была **она**.

Она не грызла в тот день. И на следующий — если в ничто есть «следующий». Она ходила между корнями и смотрела. Она видела, как братья и сёстры гноят Древо, и её тошнило снова и снова. Она видела, как умирают капли — маленькие, безмолвные, никем не замеченные, — и каждая смерть была как удар в грудь.

Она пыталась спасти одну. Взяла каплю — осторожно, на кончике когтя, — и отнесла её в сторону, подальше от корней, которые грызли. Положила на камень. Капля смотрела на неё. Капля была живой.

А потом камень **загноился**. Корни Древа были везде — даже в камнях, даже в ничто. Гниль шла от корней, как кровь от раны. Она дошла до камня. Капля лопнула.

Атанти смотрела на неё и чувствовала, как что-то внутри неё **ломается**. Не тело — тело было неуязвимым. Ломалось что-то другое. То, что она не знала, как назвать. То, что люди позже назовут **душой**.

— Ты не грызла, — сказал Ксал-Тор.

Они стояли перед ней — все, кто ходил к корням. Их тела были покрыты чёрной коркой — соком Древа, который застыл на их шкурах. Их глаза горели. Они были **счастливы**.

— Ты не грызла, — повторил Ксал-Тор. — Король узнает.

— Пусть узнает, — сказала Атанти.

Тишина. Даже в ничто тишина может быть плотной.

— Ты **предательница**, — сказала Мира-Кел.

— Нет, — сказала Атанти. — Я просто **не хочу**.

— Не хочешь — чего?

— Не хочу, чтобы капли лопались. Не хочу, чтобы корни чернели. Не хочу, чтобы Древо умирало. — Она посмотрела на свои лапы. Они были чистыми. Она ничего не сделала. Но она **была здесь**. — Я не хочу быть такой, как вы.

Ксал-Тор шагнул вперёд. Его тело было больше её тела. Его зубы были острее её зубов. Он мог бы убить её — если бы она могла умереть. Но она не могла.

— Ты **слабая**, — сказал он. — Ты всегда была слабой. Мать знала. Поэтому она и не любила тебя.

Атанти подняла голову. В её глазах не было слёз — ле-

виафаны не плачут. Но там было что-то другое. Что-то, что Ксал-Тор не смог назвать.

— Мать не любила **никого**, — сказала она. — Она просто **рожала**. А ты — ты просто **грыз**. Мы оба — инструменты. Только я **знаю** об этом. А ты — нет.

Ксал-Тор ударил её. Его коготь прошёл по её щеке — если у левиафана есть щека, — и оставил след. След зажил мгновенно. Но боль осталась. Не физическая. **Другая**.

— Король узнает, — сказал Ксал-Тор и отвернулся. — И тогда ты узнаешь, что бывает с теми, кто **не хочет**.

Она не рассказала матери. Мать не спросила. А'зеб знала — А'зеб всегда знала, — но не сказала ни слова. Она просто смотрела на Атанти, когда та вернулась из ничто, и в её глазах было что-то, чего Атанти не видела раньше. Не гнев. Не разочарование. **Узнавание**. Как будто А'зеб тоже когда-то была такой — той, кто **не хотел**, — и потом **сломалась**.

— Ты выживешь, — сказала А'зеб. Те же слова, что и при рождении. Но теперь они звучали иначе. Не как приговор. Как **предупреждение**.

Атанти не ответила. Она пошла в сад — в тот, где росли белые деревья, — и легла под одним из них. Она смотрела в небо, которого не было, и думала о капле. О маленькой, неважной, никем не замеченной капле. О том, как она лопнула. О том, как свет внутри неё погас.

Она думала: «**Я хочу, чтобы что-то осталось**».

Не она. Не её имя. Не её тело. Что-то **другое**. Что-то, что будет жить после неё. Что-то, что не лопнет, когда она коснётся.

Она не знала, что это будет. Она не знала, что через тысячи лет она найдёт это в человеке по имени Элиас Вейр — в его вопросах, в его книгах, в его глупом, наивном желании **понять**. Она не знала, что это будет **договор**. Не клетка. Договор.

Но она уже знала, что **хочет** этого. И этого было достаточно, чтобы не сломаться.

Пока — достаточно.

Где-то далеко — в мире, который ещё не был построен, — Древо гнило. Корни чернели. Свет вытекал. Капли лопались одна за другой, и никто их не считал. Никто не записывал их имена. Никто не говорил: «Эта капля была живой. Эта капля смотрела на меня».

Атанти была единственной, кто **считал**. Она считала капли, которые лопнули от её прикосновения. Она считала корни, которые загноили её братья и сёстры. Она считала **себя** — и не могла понять, к какой категории относится.

Она не была разрушителем. Она не была спасителем. Она была **тем, кто смотрел**. И этого было мало. Но это было **всё**, что у неё было.

Впереди был Потоп. Впереди были люди с копьями. Впереди был Фонд, и бетонная клетка, и человек, который однажды спросит её имя.

Но пока — она лежала под белым деревом и смотрела в небо. И в её груди — там, где у людей сердце, а у левиафанов ничего нет, — что-то **болело**. Не заживало. Не отрастало.

Это была первая рана, которую она не смогла исцелить. И она **берегла** её. Потому что это было единственное доказательство того, что она **не просто инструмент**.

Она была **той, кто не хотел**.

Часть I. «Левиафан»

Глава 3. «Потоп»

Потоп не был водой. Вода пришла позже — вода была уже следствием, уже жалкой попыткой мира умыться. Потоп был **решением**. Решением Древа, которое умирало и не хотело умирать в одиночку.

Атанти почувствовала его за мгновение до того, как он начался. Она лежала под белым деревом — тем самым, где провела последние дни, — и смотрела в небо, которого не было. И вдруг небо **дрогнуло**. Не потемнело, не пошло трещинами — просто дрогнуло, как дрожит вода в чаше, когда рядом кто-то ударяет по столу. Атанти села. Её тело, длинное и тяжёлое, напряглось само собой — так напрягается тело, которое знает, что сейчас будет больно, ещё до того, как боль приходит.

В садах стало тихо. Не спокойно — **тихо**. Как в комнате,

где только что кричали и вдруг замолчали. Белые деревья перестали ронять капли света. Корни, свисавшие с неба, обмякли и повисли, как мокрые тряпки. А'зеб — она лежала в своих корнях у края сада — медленно поднялась. Её печать гнева горела неровно, мигая, как свеча на ветру.

— Начинается, — сказала она. Не громко. Так, как говорят «я же говорила».

Атанти хотела спросить: что начинается? Но не успела. Мир — весь мир, целиком, включая ничто, включая корни, включая сады — **сжался**. Как сжимается кулак. Как сжимается горло перед криком. И потом **разжался**.

То, что пришло, не имело имени. У него не было формы — только **направление**, и это направление было **отовсюду**. Оно шло из корней Древа — из тех корней, которые загноили братья и сёстры Атанти, — и это была не гниль, а **ответ**. Древо не мстило. Древо **выдыхало**. Оно выдыхало всё, что держало внутри, — все миры, все измерения, все возможности, — и этот выдох был такой силы, что сады Алого Короля — сады, которые не имели ни верха, ни низа, — **сложились**, как складывается лист бумаги, и **порвались** по сгибу.

Атанти увидела, как умирает первый брат. Не тот, кого она знала, — другой, из другого помёта, которого она видела лишь мельком. Его тело — длинное, чёрное, с гребнем на спине — вдруг **стало прозрачным**. Не исчезло. Стало про-

зрачным, как стекло, и сквозь него было видно, как внутри, там, где у левиафанов ничего нет, что-то **гаснет**. Медленно. Как гаснет свет в окне, когда хозяин уходит из дома и больше не вернётся.

Он не кричал. Левиафаны не кричат. Он просто **перестал быть**. И там, где он стоял, осталась пустота — не чёрная, не белая, а **никакая**. Пустота, которая не была даже отсутствием. Просто **ничто**, которое раньше было **кем-то**.

Атанти смотрела на это и чувствовала, как её тело **не хочет** умирать. Оно цеплялось за жизнь — не потому что любило её, а потому что было **создано** так. Оно адаптировалось. Оно всегда адаптировалось. Кожа её стала плотнее. Глаза — зорче. Что-то внутри — то, что заменяло левиафанам органы, — перестроилось за долю секунды, чтобы **выжить** в этом выдохе. Она не знала, как. Она просто **выжила**.

Вокруг неё умирали другие. Выползки — те, что были слишком малы, чтобы идти к корням, — таяли, как сахар в воде. Шепчущие твари — те, у кого не было названия, — **замолкали**. Не умирали — именно **замолкали**, как будто их звук был единственным, что их держало, и звук кончился. Мира-Кел — та самая Мира-Кел с глазами, которые никогда не моргали, — стояла и смотрела на Атанти, и в её глазах было **непонимание**. Она не понимала, почему умирает. Она сделала всё правильно. Она грызла корни. Она была хорошей дочерью. Почему **она**?

Она стала прозрачной. И погасла. И там, где она стояла, осталась пустота.

Атанти хотела закричать. Хотела броситься к ней — схватить, удержать, не дать. Но её тело не двигалось. Её тело **выживало**, а выживание не оставляет места для крика. Оно оставляет место только для **дыхания**. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Ты жива. Ты **жива**. Остальное неважно.

Остальное было **всем**.

Ксал-Тор умер последним из помёта. Он был самым большим, самым сильным, самым нетерпеливым. Он грыз корни дольше всех. И когда выдох Древа дошёл до него, он **сопротивлялся**. Он не хотел становиться прозрачным. Он **бился**. Его тело трещало, как лёд под ногами, но не сдавалось. Он рычал — вибрацией, которая шла по костям, — и его когти впивались в землю, которая уже не была землёй, а была **ничем**.

Атанти смотрела на него. Она могла бы помочь. Могла бы схватить его, удержать, **поделиться** своей живучестью — если бы знала как. Но она не знала. И не пыталась. Она просто **смотрела**. Как всегда. Как капля. Как тот, кто не хочет, но и не делает.

Ксал-Тор посмотрел на неё. В его глазах — тех самых, что горели восторгом, когда он грыз корни, — теперь было **отчаяние**. И ещё что-то. **Зависть**. Он завидовал ей. Он, са-

мый сильный, самый большой, самый любимый, — завидовал **ей**, слабой, непослушной, той, что не хотела.

— Ты... — сказал он. Не звуком — вибрацией. — Ты **все-гда...**

Он не договорил. Стал прозрачным. Погас. Пустота.

Атанти стояла среди пустот и смотрела на свои лапы. Они были чистыми. Она ничего не сделала. Опять. Как с каплей. Как с корнями. Она просто **была**. И этого хватило, чтобы выжить.

Это было не проклятие. Проклятие — это когда тебя наказывают за что-то. Это было **хуже**. Это было **никак**. Мир не наказывал её. Мир просто **не замечал** её. Он убивал всех вокруг, а её **пропускал**, как пропускает вода масло. Не потому что она была особенной. Потому что она была **неправильной**. Не той, кого можно убить.

А'зеб умирала у края сада. Она не сопротивлялась. Она лежала в своих корнях — тех, что ещё оставались, — и смотрела в ничто. Её печать гнева почти погасла. Почти.

Атанти подошла к ней. Не потому что хотела попрощаться — она не знала, что такое прощание. Просто ноги принесли. Просто тело **пришло**.

А'зеб повернула голову. Её глаза — два провала, в которых не было ни зрачков, ни радужки, — смотрели на Атанти. И в них было что-то, чего Атанти не видела раньше. **Со-**

жаление.

— Ты, — сказала А'зеб. Голос её был слабым — впервые за всё время. — Ты **всё-таки** выжила.

— Да, — сказала Атанти.

— Я знала. — А'зеб закрыла глаза. — Я знала с самого начала. Ты была **четвёртой**. Четвёртая всегда выживает.

— Почему?

А'зеб не ответила сразу. Она лежала и дышала — если это было дыханием. Её тело становилось прозрачным — медленно, с краёв, как обгорает бумага. Но она ещё держалась.

— Потому что ты **не хотела**, — сказала она наконец. — Все остальные хотели. Ксал-Тор хотел славы. Мира-Кел хотела быть первой. Все они **хотели** — и потому грызли, и потому умерли. А ты **не хотела**. И потому...

Она не договорила. Её тело стало прозрачным до половины. Внутри — там, где у левиафанов ничего нет, — что-то гасло. Медленно. Как гаснет свет в окне.

— Мать, — сказала Атанти.

— Что.

— Я не хочу выживать. Я хочу **умереть**. Как они. Как все.

А'зеб открыла глаза. В них было что-то — не гнев, не сожаление, а **усталость**. Усталость того, кто слишком долго жил и слишком много видел.

— Ты **не сможешь**, — сказала она. — Ты создана так, чтобы не смочь. Это не твой выбор. Это твоя **природа**. — Она помолчала. — Но запомни, Атанти-кл-Панеу: природа

— это не приговор. Это **клетка**. И ты можешь из неё выйти. Рано или поздно. Если найдёшь **дверь**.

Она закрыла глаза. Её тело стало прозрачным до конца. И погасло.

Атанти осталась одна. Среди пустот. Среди ничто. Среди садов, которые больше не были садами. Она стояла и смотрела на место, где была мать, и в её груди — там, где у людей сердце, а у левиафанов ничего нет, — что-то **болело**. То же самое, что болело под белым деревом. Та же рана. Та же капля.

Она не заплакала. Левиафаны не плачут.

Потоп длился — если в ничто есть время — долго. Может быть, годы. Может быть, мгновения. Мир **выдыхал**, и выдох не кончался. Сады Алого Короля складывались и рвались. Белые деревья падали — не с грохотом, а **беззвучно**, как падают вещи в вакууме. Корни, свисавшие с неба, обрывались и уносились в ничто. Алый Король — сам Алый Король — **исчез**. Атанти не видела, как. Она просто однажды поняла, что его больше нет. Не умер — **исчез**. Как будто его никогда не было. Как будто он был **каплей**, которую кто-то коснулся.

Она осталась одна. Единственная выжившая из всех детей А'zeb. Единственная, кто не хотел. Единственная, кто **не умер**.

Она ходила по тому, что осталось от садов, и искала **что-нибудь**. Хоть что-то. Хоть одну каплю, хоть один корень, хоть одно белое дерево. Но ничего не было. Всё стало прозрачным и погасло. Всё, кроме неё.

Она села — там, где раньше был сад, — и стала смотреть в ничто. Она не знала, что делать. Она никогда не знала. Её учили только грызть и не хотеть. Её не учили **жить**. Её учили **выживать**. А это разные вещи.

Она просидела так — если в ничто можно сидеть — долго. Может быть, вечность. Может быть, мгновение. А потом **упала**.

Ничто разжалось. Мир — тот, который был до садов, и тот, который был после, — **открылся**, и Атанти полетела вниз. Не в пустоту — в **место**. В мир, где был верх и низ, где было время, где были **другие**. Она падала сквозь слои реальности, и каждый слой **обжигал** её. Не физически — обжигал **чужим**. Чужим воздухом, чужим светом, чужим временем. Её тело адаптировалось. Оно всегда адаптировалось. Но адаптация была **болью**. Каждый слой — новая боль. Новый способ выжить. Новый способ **быть неправильной**.

Она упала на Землю. Это было не мягкое падение. Это было падение камня в воду — только вода была из камня, а камень был из времени. Она лежала в кратере, который сама пробила, и смотрела в небо, которого никогда раньше не видела.

Небо было голубым.

Это было **неправильно**. В садах небо было белым, как кость, и в нём не было ни облаков, ни звёзд. Здесь были облака. Здесь были звёзды. Здесь был **ветер**, который трогал её кожу и не мог её поранить. Здесь был **запах** — не память, а запах. Трава. Вода. Что-то ещё. Что-то **живое**.

Она лежала долго. Может быть, дни. Может быть, годы. Время на Земле текло иначе — не тягуче, как в садах, а **остро**, как лезвие. Каждая секунда резала.

Потом она встала. Не потому что хотела жить, а потому что тело не умело лежать. Оно умело только двигаться. Вперёд. Дальше. В поисках чего-то, чего она не могла назвать.

Она попробовала умереть. Первый раз — в океане. Она вошла в воду — вода была холодной, солёной, тяжёлой — и позволила ей сомкнуться над головой. Вода давила на рёбра, на горло, на глаза. Атанти ждала. Ждала, что что-то лопнет. Что что-то **сдастся**. Но ничего не лопнуло. Тело дышало водой, как воздухом. Тело **адаптировалось**. Оно всегда адаптировалось. Это было его единственное умение.

Она вышла на берег и села на камни. Вода стекала с её кожи, и в каждой капле отражалось небо. Она смотрела на свои лапы — те же самые лапы, что стояли у корней Древа, — и впервые почувствовала не тошноту, а **ярость**. Не на отца. Не на мать. На **себя**.

Потом она попробовала ещё раз. Второй — в лаве. Она

нашла вулкан — не сразу, но нашла, потому что тело **чуяло** боль, как акула чувствует кровь, — и бросилась в жерло. Лава была ярче, чем всё, что она видела. Лава была **злее**. Она жгла, плавила, разрывала. Атанти чувствовала, как её кожа горит, как её плоть течёт, как её кости трескаются. И **ничего**. Тело восстанавливалось быстрее, чем лава успевала его уничтожить. Оно **адаптировалось** к лаве. Оно адаптировалось ко **всему**.

Она вылезла из жерла — обгоревшая, но целая — и села на склон. Вулкан дышал под ней. Небо было красным от пепла. И Атанти впервые поняла, что **не умрёт**. Никогда. Ни от воды, ни от огня, ни от чего. Она была **сделана** так, чтобы не умирать. И это было не даром. Это было **наказанием**.

Она посмотрела на свои лапы. Они были чистыми. Опять. Она ничего не сделала. Опять. Она просто **выжила**.

— Ты не можешь умереть, — сказала она себе. — Ты не можешь даже **захотеть** умереть по-настоящему. Потому что ты не знаешь, что это такое. Ты знаешь только, что это происходит с **другими**.

Она подняла голову и посмотрела на берег. Вдалеке — там, где океан встречался с сушей, — стояли существа. Маленькие. Двуногие. С копьями и сетями. Они смотрели на неё и **боялись**. Атанти видела страх в их глазах — резкий, острый, живой. Это был первый раз, когда кто-то смотрел на неё и **видел**. Не «ещё одну дочь». Не «инструмент». Не «выжившую». А **чудовище**.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.